

Леонид Григорьев¹

НАЧАЛО XXI ВЕКА: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ ПО РАСХОДЯЩИМСЯ ДОРОГАМ?

Данная работа возникла как следствие озабоченности сокращением притока ресурсов в развивающиеся страны в конце 90-х годов – начале нового века как по официальным, так и по частным каналам². В условиях повышения неопределенности во многих сферах международной жизни после 11 сентября 2001 года и роста числа конфликтов возникает потребность оценить заново экономическую ситуацию в мире с точки зрения ее устойчивости и способности к развитию. Каждая региональная проблема или развитие крупной страны или группы стран в мире является объектом анализа и может стать предметом крупной статьи. Однако есть потребность бросить общий взгляд на состояние процессов развития в мире, чтобы выяснить, если у нас надежда жить в гармоничном мире, в котором Россия будет занимать более заметное место.

Понятно, что если темпы роста экономики основных групп стран сблизились и стабилизировались, то практически невозможно масштабное сближение уровней развития, и эти группы будут постепенно отдаляться друг от друга как космические системы. Предыдущее десятилетие фокус обозревателей сместился на положительные последствия глобализации, но фундаментального сдвига в конвергенции не наблюдается. Конференция в Йоханнесбурге в сентябре 2002 года констатировала в своей Декларации: «Глубокая линия раздела, которая разделяет человеческое общество между богатыми и бедными, и постоянно возрастающий разрыв между развитым и развивающимся мирами представляют главную угрозу глобальному процветанию, безопасности и стабильности»³. Дело не только в бедности, хотя это наиболее вопиющая сторона глобальных проблем, но и в проблеме того, насколько среднеразвитые страны могут менять свой образ жизни к лучшему, сближаясь с развитыми странами.

---

¹ Ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН, член Совета журнала.

² Л. Григорьев «Фактический приток ресурсов в развивающиеся страны в 90-х годах и проблемы развития»; тезисы выступления на совместной конференции МИД РФ и ООН «Преодолевая разрыв между богатством и бедностью в мире: взгляд из России», февраль 2002 года, Москва.

Три важных вопроса представляется необходимым поставить и наметить пути будущих дискуссий. Во-первых, полагаем ли мы, что живем в комфортабельном мире с устойчивым экономическим ростом, широко распространенным прогрессом? Второй вопрос – идет ли приток ресурсов из развитых стран в развивающиеся, который обеспечивал бы перспективы роста и развития? И наконец, идет ли конвергенция среднеразвитых стран с нарождающимися рынками (3–10 тыс. долларов ВВП на душу населения) с развитыми (более 20 тыс. долларов на душу), к которым по количественным параметрам относится Россия?

Внимание мировой политики и международных финансовых институтов традиционно сосредоточено на двух-трех крупных проблемах, которым соответствуют и форумы. Во-первых, это экономический рост в развитых странах, активно обсуждаемый в формате «Группы 7», МВФ, ОЭСР, банковских организаций и форумов. К этой группе проблем и форумов можно отнести встречи ОПЕК и энергетические форумы и диалоги, которые в конечном итоге имеют дело с одним из ключевых проблем экономического роста в развитых странах. Во-вторых, это проблемы бедности, на которых сконцентрированы ООН, Мировой Банк, МВФ. В более широком контексте устойчивого развития им было посвящены не только «Декларация Тысячелетия» 2000 года, но и ключевые международные встречи 2002 года в Монтеррее (Мексика) и Йоханнесбурге (ЮАР). Постепенная стабилизация в странах с переходной экономикой (28 стран Европы и Азии по критериям МВФ), особенно четырехлетний подъем в России отодвинула их проблемы на второй план. Главный вопрос, интересующий нас, – насколько динамика развития в мире в основных крупных группировках стран (уходя от чисто региональной разбивки) ведет к постепенному выравниванию уровня развития, как поток финансовых средств из развитых стран дополняет ограниченные ресурсы стран с нарождающимися рынками?

---

³ “The Johannesburg Declaration on Sustainable Development”, September 4, 2002.

Развитые страны – нервный рост

Что происходит в развитом мире и есть ли основания для панических предсказаний, которыми газеты по обе стороны всех океанов исправно терроризируют обывателя. К концу 2002 года становится ясным, что США преодолели свою рецессию прошлого года. И хотя Япония по-прежнему остается в стагнации, развитой мир (см. график 1) в целом начинает выходить из застоя прошлых двух лет.

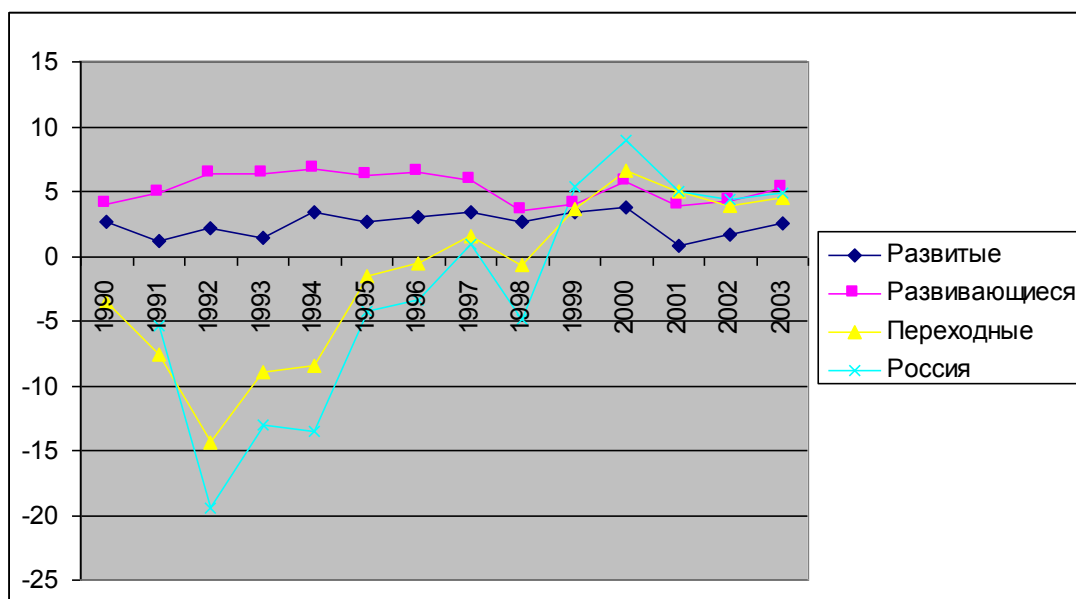

График 1. Динамика реального ВВП развитых, развивающихся и переходных стран за 1990–2003 годы.

Источник: МВФ (сентябрь 2002), МБРР.

Экономические кризисы с конца XIX века, как отмечает «Обзор мировой экономики» МВФ (апрель 2002 года), становятся постепенно слабее. Заметим, что подъем в США в 90-х годах был одним из самых мощных и самым продолжительным в их истории – минимум десять лет (1991–2000 гг.) без обычного спада посреди десятилетия. Он базировался на огромных капиталовложениях и «дивиденде от мира» как результата конца «холодной войны», что (среди других факторов) позволило выйти на профицит бюджета на целых три года. Предыдущий подъем – особенно в США – был отмечен гигантскими вложениями в информатику. Биржевой крах в этой сфере «прокол» спекулятивный «шарик», вложения в эту сферу сократились, но

вложенные ресурсы никуда не исчезли, и будут давать растущий эффект. В результате общая производительность труда в 1995–2001 годах росла в США в среднем по 2,5% в год. Промышленное производство за десятилетие – на фоне нашего кризиса – выросло в полтора раза. Так что США имеют серьезные материальные основания для укрепления своей роли в мире. Это и позволило им вбросить ощутимый рост военных расходов на безопасность, которые являются не столько финансовыми потерями бюджета, сколько стимулом роста спроса. Снижение военной угрозы и интеграционные процессы в Европе также создали в 90-х годах положительные эффекты для роста.

Впереди подъема в 2002–2003 годах, видимо, будут США, зона Евро будет двигаться медленнее. Прогноз МВФ на 2002–2003 годы дает рост реального ВВП в развитом мире в 2,7–2,8%. Динамика (медиана) индекса потребительских цен в течение последних лет остается ниже 3% в год. Ставка реального процента по долгосрочным облигациям (10 и более лет) в «большой семерке» колеблется в окрестности 3%, то есть на самом низком уровне с середины 80-х годов, когда произошел влет ставок. Реальные цены на импортируемые первичные товары также остаются ниже уровня 1990 года. Бюджеты развитых стран сбалансированы в целом лучше, чем когда-либо в истории. При взгляде на графики основных экономических показателей – просто все в порядке. Так что 29 стран, представляющих 56,3% мирового ВВП по оценкам МВФ, могут ожидать возврата к циклическому росту⁴.

Конечно, все страны имеют свои проблемы, но трудно не заметить, что развитые страны как группа находятся в «хорошей форме». Восстановление роста в развитом мире идет медленнее, чем хотелось бы его жителям и политикам у власти, но нет какой-либо непосредственной угрозы развитию этих стран. Как и всегда на выходе из кризиса, не вполне понятно, каков будет следующий локомотив роста, что создаст основу подъема. В то же время постиндустриальное общество уже не зависит от всего нескольких отраслей. Процессы глобализации, региональной интеграции в Северной Америке и Европе подталкивают конкуренцию и повышение эффективности, но не

Однако рост есть, а покоя все нет. Нервозность в развитом мире, в отличие от 90-х годов, чувствуется, но она проистекает больше из внешних

---

⁴ См. “IMF World Economic Outlook”, April 2002, Washington.

источников. В экономике – это вопрос об устойчивости поставок нефти и цены на нефть и газ, а также скандалы в области корпоративной морали и затянувшиеся биржевые потрясения, которые обычно исчерпываются до кризиса, а не на стадии перехода к росту. Разумеется, главная проблема – конфликт на Ближнем Востоке, Ирак, Балканы, общая угроза терроризма. Ощущение конфликтности усиливает нервозность и инстинктивное желание уйти в безопасные регионы, то есть домой. Нерешенность проблем экологии, глобального потепления, бедности, наркотиков оставляют ощущение дискомфорта в развитых демократиях.

Среди внутренних проблем развитого мира отметим, по нашему мнению, главную – ослабление позиций среднего класса. В Европе это вызвало усиление правых (в европейском смысле этого слова – не СПС), расистских и антииммигрантских настроений, что получило довольно четкое проявление в ходе недавних парламентских выборов во Франции и Нидерландах. Ощущение внутренней нервозности в Европе в большой степени перекрывается интеграционными процессами, которые создали для всех необходимость интенсивной адаптации к новым условиям существования. Это всегда создает стимул к развитию, по крайней мере, на какой-то период времени. В то же время эта нервозность, трудность послекризисной адаптации в ведущих странах мира усиливает замкнутость на собственных проблемах, нежели на проблемах развития мира. Это, как мы увидим ниже, выражается особенно на размерах кошелька, доступного для аутсайдеров, как бюджетного, так и частного.

Попытки совместить жесткую бюджетную дисциплину (особенно в ЕС) с социальной поддержкой «внутренних бедных и обиженных» и растущую вовлеченность в операции США и НАТО по поддержанию стабильности (Балканы, Азия и пр.) также не стимулирует приток ресурсов для развития в остальной мир. Богатый мир развивается по-прежнему сам по себе, продолжая отплывать от остального мира. 11 сентября создало стимул к складыванию (надеюсь, временно) своего рода синдрома осторожности в отношении остального мира, особенно долгосрочных инвестиций в зонах военного риска. В нынешней ситуации западный мир, похоже, озабочен защитой своего образа жизни (особенно от терроризма и сокращения свобод одновременно), чем решением проблем остального мира.

Нефть – дело тонкое

Особняком в этой картине мира стоят страны–экспортеры нефти, особенно члены ОПЕК, которые сочетают ряд признаков развитых и множество признаков развивающихся стран. Они имеют относительно высокий уровень дохода на душу населения (в арабском мире), опираются на собственные доходы. Но одновременно для них характерна монокультура производства и экспорта, низкий уровень развития обрабатывающей промышленности и услуг, часто архаичные политические системы, большие госрасходы, экспорт капитала и ограниченные возможности развития. Однако колебания их доходов настолько велики, что условия роста оказались весьма своеобразными, отличающимися как от развитых, так и развивающихся стран⁵.

Развитым странам на выходе из кризиса для решения своих проблем не помешала бы стабильность нефтяных цен, причем многим хотелось бы видеть их на более низком уровне. В 90-е годы при средней цене нефти в 19 долларов за баррель на мировых рынках доходы стран ОПЕК составляли примерно 120–160 млрд. долларов в год. За падением до 104 млрд. в 1998 году последовал взлет до 250 млрд. в 2000 году с постепенным снижением до 175 млрд. в текущем 2002 году (см. график 2). Хотя прямой жесткой зависимости роста в странах ОЭСР от цены на нефть не найдено, есть несколько признаков, указывающих на наличие определенных связей. В частности, взлет нефтяных цен в условиях замедления роста в мире в 2001 году и трудного выхода из спада в США в 2002 году в какой-то степени отражали высокие цены на энергоносители. Во всяком случае, цены на первичные товары и энергоносители в ходе кризиса падают обычно больше цен на готовую продукцию и тем способствуют восстановлению прибыльности и более интенсивному выходу в стадию восстановления роста.

Важным косвенным последствием роста доходов стран ОПЕК в 2000–2001 годы стало то, что они могли оказывать определенную помощь развивающимся странам в условиях снижения (как увидим ниже) притока как официальной помощи, так и частного капитала.

Колебания цен и доходов создают тяжелейшие неравномерности в торговых и платежных балансах стран – импортеров нефти. Так что

---

⁵ Л. Григорьев, А. Чаплыгина: «Саудовская Аравия – нефть и развитие», «Международная энергетическая политика», № 7, сентябрь 2002 года.

нестабильность нефтяных цен и доходов не только создают трудности в планировании развития в странах-экспортерах как Россия. Они затрагивают циклические процессы в развитых странах, но также могут серьезно способствовать развитию кризисных процессах в таких странах как Аргентина и Бразилия, которые испытывают трудности как с платежным балансом, так и долгами, взятыми для поддержки платежных балансов в прошлом. Помимо этого, каждый взлет нефтяных цен отражается на беднейших странах. Это лишний раз указывает на то, что спотовый рынок нефти имеет свои недостатки с точки зрения развития. Очевидно также, что внутренняя стабильность (через бюджеты и внешнеторговые балансы и т. п.) в нескольких больших группах важнейших стран мира зависят от хрупкого равновесия между интересами экспортеров, основных импортеров (и их компаний), а также трейдеров, реализующих свои финансовые интересы. Во всяком случае в процесс глобального равновесия встроен сложный раскачивающий механизм со случайной функцией и от относится к цене на один из ключевых и широко распространенных элементов производственных издержек и потребления.

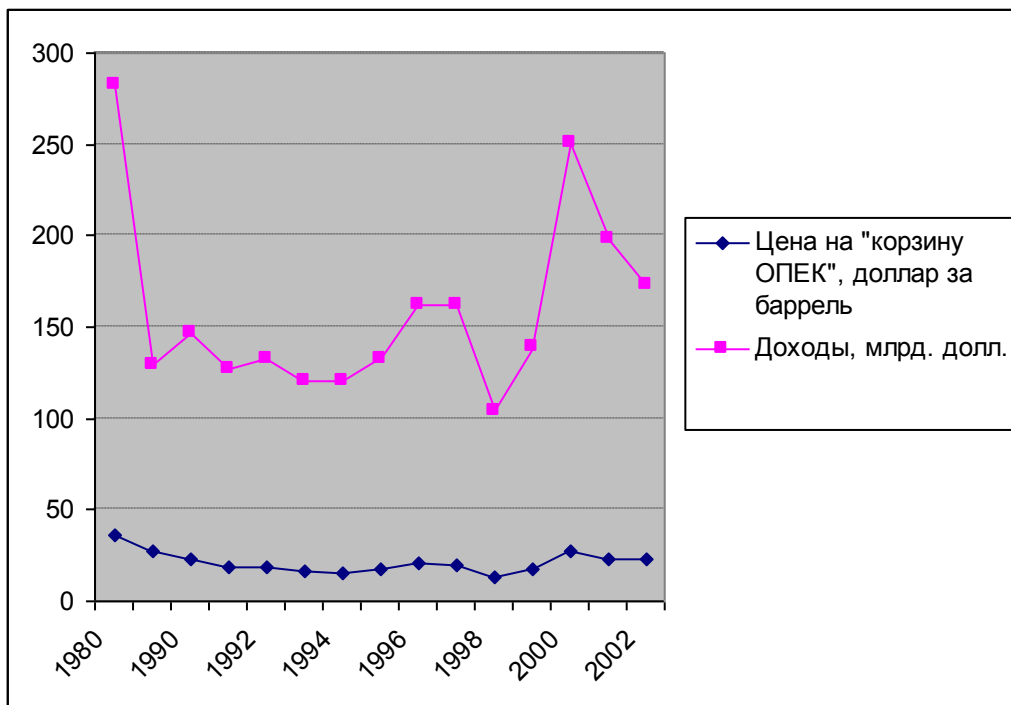

График 2. Динамика цен на нефть и доходы ОПЕК 1980–2002 годы.

Источник: Global Oil Market Analysis, A.G. Edwards, August 19, 2002, p. 15.

В любом случае, периоды высоких цен на нефть недолги, вероятность их роста ограничена, нефть как источник развития (как раньше каучук, медь и т. п.) не вечна. В 1991–2000 годах среднеарифметическая цена нефти сорта «Брент» составила примерно 19 долларов за баррель. Экономический рост в мире составлял в эти годы примерно 3% по реальному объему ВВП. Потребление нефти в мире выросло на 12% или на порядка 1% в год. При построениях на будущее рационально исходить из того, что цены на нефть более 22 долларов за баррель вызовут более интенсивные процессы энергосбережения. Тем самым можно ожидать меньший рост добычи и потребления как в силу естественных ценовых факторов, так и в силу специальных мероприятий, которые ожидаются в странах ОЭСР с целью снижения зависимости от импорта нефти. Таким образом, прогноз роста мирового спроса на 1,5–2% может оказаться чрезмерно оптимистичным⁶. Экспортеры нефти могут упустить свой шанс к развитию и модернизации, если высокие доходы уйдут не на накопление, а преимущественно в государственное (частное) потребление или вывоз капитала и тому подобные цели.

Устойчивое развитие – ускользающая цель

Устойчивое развитие – более широкое понятие и предполагает не только восстановление роста, но и сохранение экологического равновесия в мире. Существенно то, что эксперименты по развитию беднейших стран принесли весьма ограниченные результаты за последние 40 лет, прошедшие с момента приобретения массовой независимости бывшими колониями. В сущности, каждые десять лет мировое сообщество вынуждено списывать долги и искать новую парадигму помощи. Устойчивости развития бедных и беднейших стран в 90-е годы также достичь не удалось, чему и посвящена новая книга У. Истерли⁷.

Результаты саммита в Йоханнесбурге в августе-сентябре 2002 года носят в целом положительный характер, особенно в отношении ряда экологических намерений, но в организационном и финансовом отношении не меняют

---

⁶ См. В. Алекперов «Нефтяной потенциал» // «Нефть России», 2002, № 9, стр. 12.

⁷ William Easterly – “The Elusive Quest for Growth: Economists' Adventures and Misadventures in the Tropics”, MIT Press, 2001.

радикально ситуацию в мире, так что какой-то новой модели развития пока не вырисовывается⁸.

Возможно, в 90-е годы была упущена уникальная возможность обратить средства, сэкономленные от противостояния двух идеологических лагерей, на цели развития. Фактически эти средства способствовали развитию самих развитых рыночных демократий. Помощь Советского Союза, которая помимо военных поставок дала значительный вклад в развитие промышленности, энергетики и особенно человеческого капитала, практически исчезла с начала 90-х годов (за исключением СНГ). Тем самым чистый приток ресурсов в развивающийся мир явно сократился⁹. Но в первое время он был перекрыт, видимо, наращиванием частных инвестиций.

Среди проблем, которые обременили 90-е годы, невозможно пройти мимо огромных потерь в странах, которые на тех или иных этапах испытывали рост, но потеряли накопленный физический и человеческий (и управленческий) капитал в локальных (часто гражданских) вооруженных конфликтах. К сожалению, хрупкость экономики и гражданского общества многих стран по существу отбрасывает их по уровню развития сразу же на десятилетия. Расширение внутренних и трансграничных конфликтов в 90-е годы (в Африке и Азии) уже не отражало «борьбу систем». С точки зрения развития эти конфликты ликвидировали в ряде стран все достижения предшествующих периодов. Немаловажно также, что районы «бедствий» оказывают депрессивное воздействие на соседей: неурегулированность многих конфликтов создает препятствия для долгосрочного делового планирования, крупных инфраструктурных проектов, уязвимых с точки зрения терроризма, территориальных споров или неясных прав собственности. Конфликты оттягивают ограниченные ресурсы международного сообщества от целей развития на цели пост-конфликтного восстановления: Босния, Руанда. Помимо того, значительные средства были, видимо, использованы неэффективно (местная коррупция и т. п.) или их результаты уничтожены в последующих конфликтах (Палестина).

---

⁸ Highlights of commitments and implementation initiatives. UN Johannesburg Summit, September 12, 2002.

⁹ Этот фактор выпал из международной статистики, видимо, по тем соображениям, что ничего хорошего нельзя было признать за «реальным социализмом».

В 90-е годы довольно явно сокращалась официальная помощь развитию со стороны развитых стран. «Усталость» от предыдущих попыток содействовать развитию, коррупция на местах, низкая административная способность ряда стран использовать помощь эффективно создали значительный негативный эффект. Если в период 1990–1998 годов (за исключением 1996 года – см. график 2) порядок величин ОПР (то есть практически грантов) составлял 45–60 млрд. долларов, то в 2000–2001 годах он вернулся к уровню ниже 1985 года – порядка 35 млрд. долларов. В отношении к ВВП стран доноров ОПР за этот период сократилась с 0,35% до 0,22%.

Борьба с бедностью критически зависит не только от объема притока ресурсов (ОПР и частного капитала), но от его распределения по странам, наличие комплексных региональных условий для развития (нарушаемых конфликтами в отдельных странах). Поиск моделей развития, участия иностранной помощи и капитала в развитие экономики стран с нарождающимися рынками продолжается. Было бы преждевременно сосредоточиться на количественных аспектах помощи, посчитав, что существующие способы ее использования беспорно эффективны.

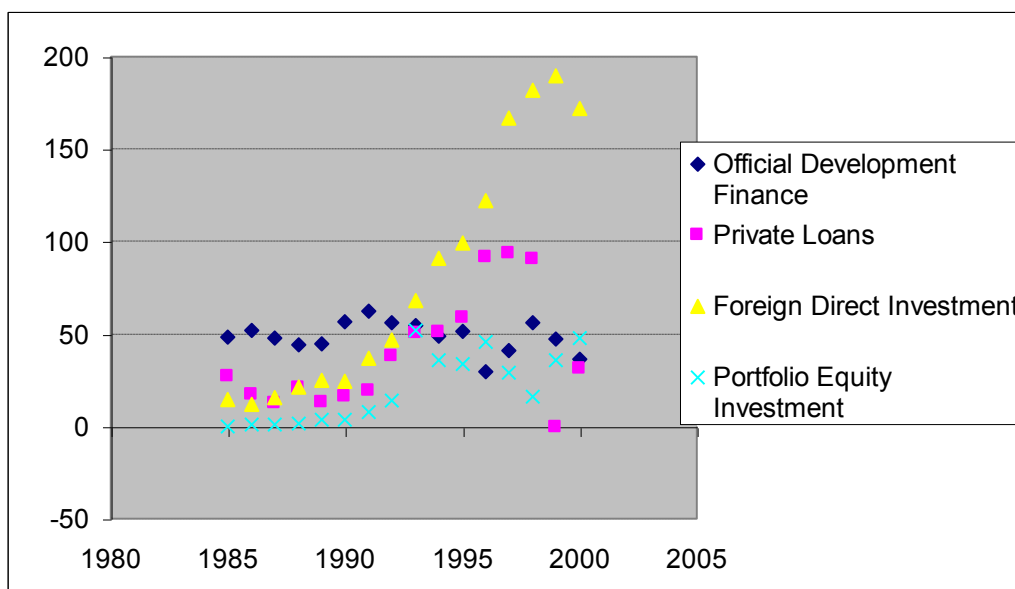

График 3. Динамика официальной помощи развитию, прямых и портфельных инвестиций в развивающиеся страны, млрд. долларов в ценах 2001 года (млрд. долл., 1985–2002 годы).

Источник: Мировой Банк.

«Декларация Тысячелетия» 2000 года обещала снизить вдвое число абсолютно бедных к 2015 году, но не указала средств решения этой задачи. Усилия ООН и развивающихся стран восстановить объем и уровень помощи на конференциях 2002 года привели к неоднозначным результатам. Упор делался на снижение долгов, развитие рыночной экономики, призывы увеличить помощь. «Международная конференция финансирования развития» ООН в Монтеррее (Мексика) 18–22 марта 2002 года завершилась обещанием США и ЕС поднять уровень официальной помощи развивающимся странам на 50 млрд. долларов дополнительно (и от США, и от ЕС) в расчете на следующие 10 лет. Это важный результат, который даст скорее всего лишь восстановление фактической помощи до уровня предыдущих лет. Общей, но пока недостижимой целью ООН остается выход на рубеж помощи развитых стран в размере 0,7% от их ВВП.

Опыт 90-х годов дал ряд положительных примеров развития, но одновременно показал, как оно хрупко и легко утрачивается к кризисам и конфликтам. Как мы увидим ниже, Китай и Индия дали настолько огромный вклад в показатели роста развивающихся стран, что создали ощущение прогресса, которое исчезает при более детальном анализе.

Частный капитал и рост в 90-х годах

В середине 90-х на какой-то период создалось впечатление, что приток частного, особенно прямого капитала из стран ОЭСР решит наконец проблему развития. Действительно, в 90-х годах существенно увеличился приток частного капитала в развивающиеся страны, темпы прироста ВВП последних намного опередили развитые страны. Экономический рост именно в период 1991–1997 годов в развивающихся странах заметно опережал развитые, что позволило делать определенные оптимистические оценки о положительном влиянии глобализации, в частности, либерализации финансовой деятельности, информационной революции на динамику развития.

Экономический рост в середине 90-х действительно опирался на быстрый рост ряда ведущих (крупных) развивающихся стран. Основная масса прямых инвестиций в 90-е годы также шла в ограниченный набор наиболее продвинутых стран, которые сумели использовать их для развития и ускорения роста в период до 1997 года Среди них – 4 ведущих латиноамериканских страны

(Аргентина, Бразилия, Мексика, Чили), три европейские (Польша, Венгрия, Чехия), азиатские (Корея, Малайзия, Таиланд, Сингапур) и Китай с Гонконгом¹⁰.

Одновременно возросла неустойчивость некоторых компонентов этих потоков: например, частные займы колебались от 90 млрд. долларов до -0,7 млрд. в год (см. график 3). Общий валовой приток частных ресурсов увеличился с уровня 30–45 млрд. долларов в год в конце 80-х годов до почти 290 млрд. в 1997–1998 годах. Правда, следует отметить, что рост частных вложений в 90-х годах отражал три важных дополнительных фактора по сравнению с 80-ми годами: резкий рост вложений в Китай, приватизацию в Бразилии и Аргентине и появление как объекта инвестирования большой группы стран с переходной экономикой Центральной и Восточной Европы и СНГ (двадцать восемь стран).

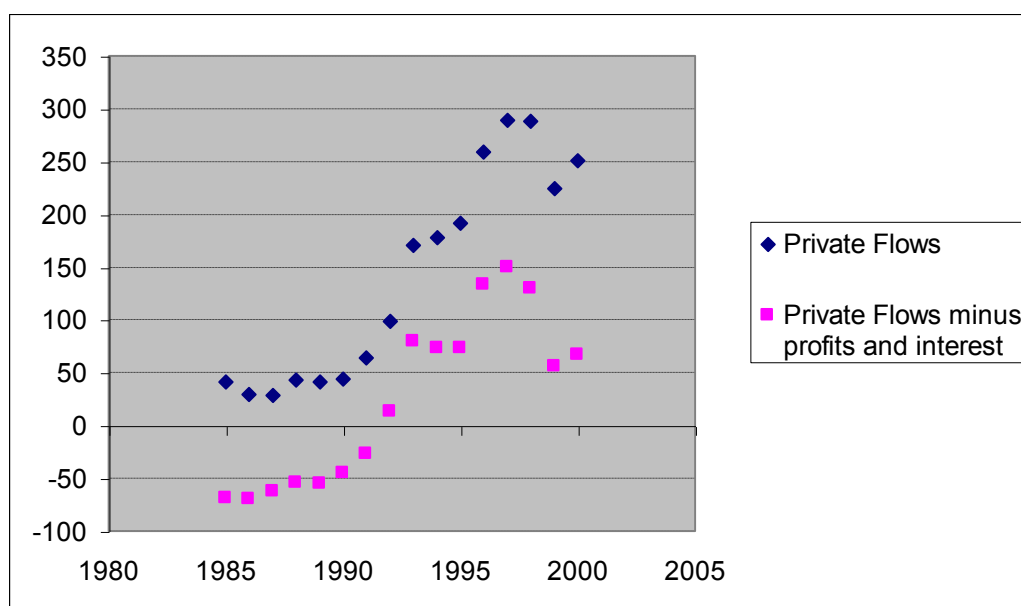

График 4. Динамика притока валового и чистого (валовой минус проценты по кредитам и прибыль по иностранным инвестициям) частного капитала в развивающиеся страны (млрд. долл., 1985–2002 годы).

Источник: Мировой Банк, 2002.

Графики 3 и 4 показывают, что приток чистых ресурсов в развивающиеся страны резко сократился одновременно с официальной помощью к концу 90-х

¹⁰ Л.М. Григорьев «Трансформация без иностранного капитала: десять лет спустя» // «Вопросы экономики», № 6, 2001.

годов в разгар «Азиатского кризиса»¹¹. Общее согласие о необходимости увеличения роли институциональных преобразований в процессах трансформации лишь подчеркивает трудность поиска адекватных программ для стран с различным исходным уровнем развития, историческим и социокультурным основанием. Среди всех проблем развития наименее прокомментированной остается проблема эффективного использования ресурсов на цели развития в самих странах-реципиентах, предотвращения отвлечения средств от целей развития на бюрократические машины, военные расходы и прочее.

С точки зрения гармонизации мирового развития нет уверенности в том, что частный капитал, склонный к резким переменам в направлении своего передвижения в зависимости от рисков и оценок будущих рисков, сможет компенсировать нехватку собственных усилий правительств и бизнеса развивающихся стран. Сужение притока чистых частных ресурсов в развивающиеся страны и рост инвестиционных рисков в начале нынешнего века создают опасную ситуацию, в которой может наблюдаться нехватка частного капитала, во всяком случае до общей стабилизации обстановки в мире.

Специальные исследования указывают, что укрепление прав собственности, ограничение черного рынка, расширение политических свобод и борьба с коррупцией способствуют экономическому развитию. В то же время наблюдается большой параллельный отток национальных сбережений из развивающихся стран, причем не столько международными компаниями, но в большой степени элементами местных политических и деловых элит. В целом мир бедности остается по-прежнему характеризуется ограниченным притоком ресурсов, не слишком эффективным использованием собственных, и все еще непрекращающихся конфликтов, которые время от времени подрывают достижения спокойных периодов.

Ведущие страны в регионах – насколько они устойчивы?

Конец 90-х показал, насколько сложна задача не столько достижения определенного макроэкономического баланса и условий роста на период, сколько поддержания роста в длительной перспективе. В конце концов,

---

¹¹ Отток ресурсов рассчитан условно: прибыли и проценты могли быть реинвестированы.

развитые страны исторически демонстрировали способность удержать уровень развития даже в условиях войн и кризисов XX века, так что средние вековые темпы роста остались в пределах 2–4%. Нам представляется важным проанализировать группу ведущих развивающихся, переходных и даже развитых стран, играющих ключевую региональную роль. Как локомотивы роста эти страны создают стандарты надежности, их банки играют роль надежного «ближнего зарубежья» для соседей и т. п. Торможение прогресса и роста в ключевых региональных экономических лидерах ведет к потере момента движения в направлении развития, социально-политической устойчивости. Обычно их развитие затемнено при агрегировании либо по континентам, либо по крупным группировкам (развивающиеся страны и т. д.).

Таблица 1. Динамика реального ВВП в мире и ряде ведущих региональных стран, 1984–2003 годы (%).

	ВВП на душу (тыс. долл. по ППС, 2000 г.)	Объем ВВП (млрд. долл. по ППС, 2000 г.)	Доля в мировом ВВП (%)	Средний темп роста реального ВВП за 10 лет (%)		Средний темп роста реального ВВП за 4 года (%; ср. геометр.)		Прогноз роста реального ВВП (%)		Последний кризис	
				1984–1993	1994–2003	1994–1997	1998–2001	2002	2003	период	падение ВВП (%)
Мир	7,2	46 791	100,0	3,3	3,5	3,9	3,3	2,8	3,7		
Развитые страны	22,3			3,2	2,7	3,1	2,7	1,7	2,5		
США	36,2	9 907	21,2	3,2	3,2	3,7	3,1	2,2	2,6		
Развивающиеся	4,8			5,1	5,2	6,3	4,3	4,2	5,2		
Переходные	5,8			-1,4	1,3	-2,3	3,6	3,9	4,5		
Аргентина	12,9	453	1,0	2,0	-0,3	4,1	-1,3	-16,0	1,0	1999; 2001	-3,4; -4,4
Бразилия	6,5	1 339	2,9	2,8	2,8	4,0	1,7	1,5	3,0		
Мексика	9,1	892	1,9	2,4	3,1	2,4	3,7	1,5	4,0	1995; 2001	-6,2; -0,3
Китай	3,6	5 506	11,8	10,5	8,6	10,4	7,5	7,5	7,2		
Индия	2,2	2 546	5,4	5,2	5,9	6,7	5,5	5,0	5,7		
Индонезия	2,9	654	1,4	6,7	3,2	7,0	-1,3	3,5	4,5	1998	-13,1
Таиланд	6,7	406	0,9	8,7	3,0	5,6	-0,1	3,5	3,5	1997; 1998	-1,4; -10,5
Корея	16,1	865	1,8	8,2	5,7	7,2	3,9	6,3	5,9	1998; 2001	-6,7; 3,0
Россия	7,7	1 296	2,8	...	0,4	-5,2	3,5	4,4	4,9	1994; 1998	-13,5; -4,9
Польша	8,5	361	0,8	0,8	4,3	6,2	3,5	1,0	3,0		
Израиль	18,9	125	0,3	4,5	3,6	5,8	3,0	-1,5	1,8	2001	-0,9
Турция	6,8	445	1,0	5,4	2,4	4,0	-0,6	3,9	5,0	1994; 2001	-5,0; -7,4
Египет	3,6	244	0,5	3,9	4,5	4,7	5,0	2,0	3,7		
Нигерия	1,0	117	0,2	4,6	2,3	2,8	2,5	-2,3	3,7	1994	-0,6
ЮАР	8,5	414	0,9	1,0	2,7	3,3	2,1	2,5	3,0		

	ВВП на душу	Объем ВВП	Доля в мировом	Средний темп роста реального ВВП за 10 лет (%)		Средний темп роста реального ВВП за 4 года (%; ср. геометр.)		Прогноз роста реального ВВП (%)		Последний кризис	
15 стран						6,3	4,6				
12 стран*						4,8	1,85				

Примечания: * -

** - Приведенные 15 стран без Китая, России и Индии.

Источники: данные Международного валютного фонда ("The World Economic Outlook", September 2002; www.imf.org); Всемирного банка (www.worldbank.org).

Чрезвычайно важно, как показал «азиатский» кризис, избежать отката в развитии стран – восстановление докризисного уровня, доверия к национальным финансовым инструментам, и переход к росту может занять годы. Этот кризис затронул тех «тигров», которые дали столь впечатляющую картину роста в прошлом: Таиланд, Малайзия, Корея, Сингапур. Тяжелый экономический крах и политические проблемы в Индонезии серьезно притормозили развитие в регионе ЮВА. Палестинский конфликт, предшествующие войны в Иране и Ираке (и возможная новая акция против Саддама Хусейна), конфликт в Афганистане затормозили развитие Южной Азии и Ближнего Востока. До прояснения политической обстановки, перспектив стабильности развитие больших регионов мира испытывает трудности.

Балканские конфликты всех видов 90-х годов отбросили регион и ряд стран со значительным потенциалом назад. Новая группа стран стала зависимой от международного сообщества, тогда как ранее обеспечивала вклад в мировое и региональное развитие. Наконец, сложные политические и экономические ситуации во взаимодействии привели к тяжелейшим кризисам в Аргентине и Бразилии, а также Турции – странам, которые дали серьезный вклад в рост 90-х годов. Драма конца 90-х годов, кризисы и конфликты постигли страны, которые обладали серьезным потенциалом роста, включая накопленный управленческий и человеческий капитал.

Эти среднеразвитые страны характеризует размер ВВП на душу населения в пределах 4–10 тысяч долларов – это наши соседи по рейтингам. Тем самым создалась новая угроза мировому экономическому прогрессу – потеря надежды догнать первый эшелон стран. Мы выбрали 15 стран (таблица 1) по тому принципу, что они характеризуют ведущие страны в регионах, помимо Северной Америки, Западной Европы и Японии. Оказалось, что среднегодовые темпы прироста ВВП в 1998-2001 гг. (взвешенные по ВВП) по этим странам сократились с 6,3 до 4,6%, чуть меньше чем общий показатель для развивающихся стран. Но отчасти это лукавство статистики – за вычетом России, Индии и Китая двенадцать ведущих стран разных континентов резко снизили темпы прироста ВВП с 4,8 до 1,85%. Во втором подпериоде лишь Россия ускорила свое развитие (даже включая год «краха»). Но – как мы понимаем – этот рост еще далек от устойчивого масштабного подъема. В Китае

и ряде других стран наблюдается замедление роста. Индия, Египет и некоторые другие страны удержали темпы роста. За счет сочетания концентрации ресурсов и постепенной либерализации коммерческой деятельности Китай с его огромным весом в экономике развивающегося мира укрепляет иллюзию большего прогресса в целом в мире, чем это фактически имеет место.

Однако значительное число важнейших стран испытало недавно или испытывает сейчас сильнейший экономический кризис. В первую очередь это Аргентина, Турция, возможно, Бразилия. Спад пошел в Израиле и Мексике. Естественно, если нет роста в этих 15 странах, на которые приходится около 33% ВВП всего мира, то вряд ли возможен масштабный прогресс в мире. Как недавно отметил Нобелевский лауреат Дж. Стиглиц, «мы до сих пор не умеем управлять кризисами»¹². От позитивной динамики этих стран зависит еще и региональная торговля, миграция рабочей силы, уверенность инвесторов. Наличие ряда региональных и гражданских конфликтов, перемежаемых экономическими потрясениями, создает пеструю картину, характерную, по видимости, ситуации столетней давности.

Модернизация по жестким правилам

Специальная работа Международного валютного фонда 2000 года показала, что за XX век не произошло радикального изменения в соотношении между государствами¹³. Социалистическая индустриализация, в частности, не изменила места России (точнее, бывшего СССР) в 2000 году относительно большинства развитых стран мира по сравнению с местом России 1900 года (только по 42 странам есть данные за 100 лет).

Правда, отставание от ведущих стран по размерам реального ВВП на душу населения увеличилось. Страны Восточной и Центральной Европы реинтегрируются на Запад примерно с тех же относительных позиций (40–45% ВВП на душу население по сравнению с Западной Европой), что и в первой половине XX века¹⁴. Развитые страны росли в общем быстрее в XX веке и все больше отрывались не только от беднейших стран, но и от «второго эшелона». Настоящими чемпионами по перемещению вверх по относительной шкале за

---

¹² Дж. Стиглиц «Преодоление нестабильности», «Ведомости», 25 сентября 2002 г.

¹³ “The World Economy in the Twentieth Century: Striking Developments and Policy Lessons” – ch. 5 in World Economic Outlook, IMF, April 2000, Washington.

прошлое столетие оказались Китай и Тайвань, заметно шагнули вверх Япония и Корея. Все эти страны на этапе ускорения отличались концентрацией ресурсов, высокой (30% более) нормой накопления в ВВП, экспортной ориентацией и «реформами сверху».

Но нас больше волнуют перспективы пополнения числа стран с развитым средним классом, устойчивыми политическими системами¹⁵. Ограниченность вертикальной мобильности в мире аналогична (с понятными поправками) социальной мобильности в обществе. Задержка развития, бедность большого числа стран, нарушение стабильности в среднеразвитых странах особенно в условиях информационной революции создает «информированность о несовершенном и потерянном» и может отнимать надежду на собственное развитие на уровне страны.

В России вопросы модернизации стали обсуждаться все более активно по мере выхода из затяжного транзитивного кризиса и преодолении непосредственных последствий финансового краха 1998 года. В геополитическом плане ощущается явный дискомфорт от того, что, пожалуй, впервые в истории Россия и с Востока и с Запада граничит со странами с ощутимо более высокими темпами роста, устойчивым управлением и осознанными экономическими стратегиями (вроде интеграции в ЕС). Как раз одним из ключевых остающихся негативных последствий Краха 1998 года остаются: огромный внешний долг, низкое доверие населения и фирм к финансовым институтам, низкая норма накопления (18% при мировых 23%), низкая капитализация даже ведущих российских компаний. А главное - это низкий уровень формирования среднего бизнеса и доступ к ресурсам, ренто-ориентированное поведение участников процесса накопления. В этом контексте возникли дискуссии о проблемах догоняющего развития, вреде или пользе промышленной политики и т. п. В рамках данной работы мы не можем охватить все аспекты и историю прорывов различных стран к более высокому уровню развития. Отметим лишь несколько проблем группы стран, переходящих от планового к рыночному хозяйству.

---

¹⁴ I. Berend "From Regime Change to Sustained Growth in Central and Eastern Europe" // Economic Survey of Europe, 2000, #2/3, p. 49.

¹⁵ Анализ показал, что структура распределения доходов (по 10% группам) становится стабильной для стран с доходом более 10 тысяч долларов на душу населения – см. Л. Григорьев,

1990-е годы определили характер возникших экономических и политических систем в переходных странах (по методике МВФ – 28 стран без Китая и Вьетнама). В какой-то мере сбылся прогноз 1990 года: «...в Европе теперь можно выделить три зоны. Ко второй – условно центральной – можно отнести ГДР, Польшу, Венгрию, Чехословакию, Югославию, а также, возможно, и три Прибалтийские республики СССР независимо от их политического статуса. Эту зону от первой (*западноевропейской – ЛП*) отличает не только более низкий уровень технологий, но и качества рабочей силы (с учетом сложившегося уровня трудовой этики и интенсивности труда). ...В целом страны «центральной» зоны станут, по всей видимости, своего рода мостом между рыночной зоной и востоком континента. На опыте этих стран можно будет (частично и сегодня) рассчитать шаги по стабилизации нашей экономики, оценить пути и темпы разгосударствления, а также формирования рыночных институтов и механизмов. ... Путь к рынку стран третьей зоны – СССР, Болгарии, Румынии – будет, несомненно, более длинным»¹⁶.

В настоящий момент мы, видимо, уже можем разделить переходные страны на несколько групп, уже находящихся на весьма различных стадиях развития. Лидируют по формированию рыночных институтов и темпам экономического роста Словения, Польша, Чехия и Венгрия в Европе, за ними следуют остальные, в том числе Прибалтийские республики. В то же время целая группа стран в результате внешних и гражданских конфликтов, экономической политики и т.п. все более оказывается в трудном положении. По одному из критериев ООН (ВВП меньше 800 долларов на душу населения и др.) многие пост-социалистические страны попали в группу наименее развитых: Албания, Босния, Молдавия, Азербайджан, Армения, Грузия, Таджикистан и Кыргызстан; даже Украина примыкает к этой группе.

Россия, Казахстан и некоторые другие страны выделяются тем, что при огромных проблемах, неравномерности прошлого развития и неадекватности институционального базиса все же перешли к росту. Теперь проблемы России как и у более продвинутой группы стран сходные проблемы: рост есть, рынок (какой ни на есть) есть, стабильность есть – осталось получить эффективное

Т. Малева - «Средний класс в России на рубеже этапов трансформации» // «Вопросы экономики», 2001, № 1.

рыночное хозяйство и модернизировать экономику ближе к уровню стран Западной Европы: от 5–10 тыс. долларов ВВП на душу населения к 15–20 в обозримом будущем. Вступление центрально и восточноевропейских стран в Европейский Союз даст им пространство для сбыта, жесткие правила финансового поведения (по бюджетным дефицитам и т. п.) и гранты на региональное развитие. До сих пор Ирландия, Испания и ряд других стран успешно использовали эти возможности для ускорения развития относительно отсталых регионов и развития физической инфраструктуры.

Фактически помощь Международных финансовых институтов постепенно становится страховкой для России, нежели опорой. Упор на роль частного капитала в программах МФО и (несколько запоздалое) институциональное развитие как раз показывает, что переход на Востоке Европы для остального мира в сущности окончен. Это приятно, но это означает, что переходные страны не будут больше рассматривать как опекаемых, а как обычные среднеразвитые страны. Обедневшие страны также постепенно растворяются в обычных международных категориях, нежели сохраняют специальный «переходный» статус. Что же касается конкуренции на товарных рынках, то новые рыночные экономики и в 90-х годах не имели особенных поблажек в качестве награды за уход от планового хозяйства.

Тут возникают дебаты о путях и субъектах модернизации в России, у которой есть нефтегазовые доходы (как у ОПЕК), но не возможности вступления в ЕС. Выбор остается довольно ограниченным: государство и смешанная экономика (китайский вариант); свободная либеральная рыночная экономика (старый американский вариант); промышленно-финансовые группы (условное название – чаebolный). Первый вариант предполагает государственный контроль и высокую централизацию экономической жизни. Второй является в России официальной доктриной, хотя реально может действовать при соблюдении нескольких весьма жестких требований: господство закона (на деле!), свободного доступа к ресурсам; ориентированного на прибыль (то есть не на ренту) поведения предпринимателей. Наконец, третий путь активно формируется и получил свое идеологическое обоснование, в частности от опыта модернизации Кореи, что не удивительно при возможностях

---

¹⁶ Григорьев Леонид. «К единому мировому хозяйству» // «Экономическое положение капиталистических и развивающихся стран». Приложение к «МЭиМО», М., 1990.

финансовых групп для своей пропаганды и защиты. В то же время название и сравнение неточны, поскольку в Корее присутствовала огромная координирующая роль государства и значительное государственное финансирование.

Заметим, что нет ничего неблагородного в «догоняющей» экономике или в использовании естественных или накопленных преимуществ страны для ускорения ее развития. Во-вторых, страна сама определяет способ развития как результирующую взаимодействия характера ресурсов, интересов держателей активов и политической и финансовой (новой) элиты. И если страна развивается в направлении интеграции на базе иностранного капитала (венгерский вариант), то это, в конечном итоге, выбор самой страны. Если окажется, что в России победил вариант развития на базе финансовых групп, то это будет выбор страны. Правда, этот вариант носит характер эксперимента и не гарантирует быстрой и масштабной модернизации, поскольку любые масштабные инвестиции в нем должны соответствовать корпоративным интересам.

В рамках данной работы мы не оцениваем применимость той или иной модели в России, а лишь условия в мире, в которых любая из них будет применяться. В этом отношении заметим, что роль новых международных требований по финансовой отчетности, правил ВТО по конкуренции, в частности возможное появление экологических и трудовых стандартов может вести к закреплению фактического разделения труда в мире. Ведь разрушение экологической среды и сверхэксплуатация труда – это «марксистское» прошлое промышленно развитых стран, которого они не стесняются, но не рекомендуют другим по совершенно корректным (прежде всего этическим) соображениям. Но тем самым ужесточение правил конкуренции в мире ведет к новой ситуации, в которой экономический рост и развитие в отличие от времен «дикого» капитализма должен будет все более и более идти корректно в рамках сложной (и недешевой) системы правил. Понятно, насколько это ужесточит требования к ведению бизнеса по сравнению с нынешней ситуацией.

Модернизация по новым правилам для стран переходного периода будет возможным, но не легким делом. И вряд ли приходится рассчитывать на иностранную помощь или капиталовложения как на основной фактор роста. Модернизация впрочем всегда была результатом огромной внутренней

активности и использования внутренних ресурсов и удачных внешних обстоятельств.

Экономическое развитие мира в начале XXI века осложняется общей политической нестабильностью, локальными и гражданскими конфликтами, разрушающими плоды предшествующего развития. Многие ключевые региональные страны захвачены кризисами и соответственно осложнились процессы выравнивания. Сложившаяся парадигма развития не решает сложнейших проблем развития мира, но пока не видно и альтернативы. Группы стран по уровню и типу развития стоят перед своими проблемами, решают их собственными методами, идут во многом своими дорогами. Конвергенция мира в процессах глобализации, пожалуй, была переоценена в период подъема и информационной революции. Общие правила игры установлены? и возможность модернизации реализуется у того, кто найдет нетривиальные пути использования национальных ресурсов.